

И. ЗИЛЬБЕРШТЕИН

ИЗ БУМАГ ПУШКИНА

(НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“

Москва—1926

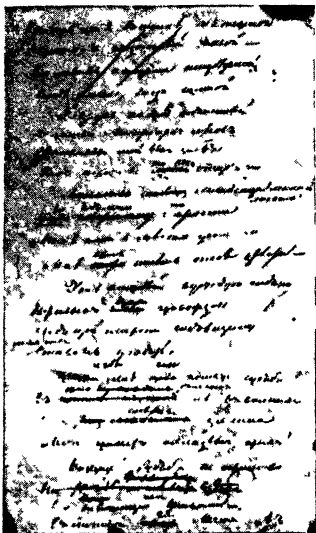
ИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ПУШКИНА

В примечаниях к изданиям собраний сочинений Пушкина мы часто встречаем варианты к отдельным произведениям его; почерпнутые из печатных изданий или захваченные во время более или менее случайных набегов на рукописи поэта, варианты эти только загромаждают издание, так как не достигают своего настоящего назначения. В частности, одна из прямых обязанностей вариантов—служить материалом для исследования вопроса о том, как работал Пушкин, как добивался он поэтического совершенства—тоже не доходит к читателю. Не сведенные, бездушные варианты эти читателю никогда не говорят о том, как рождался замечательный поэтический рисунок Пушкина, как обрабатывались до светлой ясности его образы, и как в процессе его поэтического творчества постепенно менялась общая архитекtonика того или иного произведения.

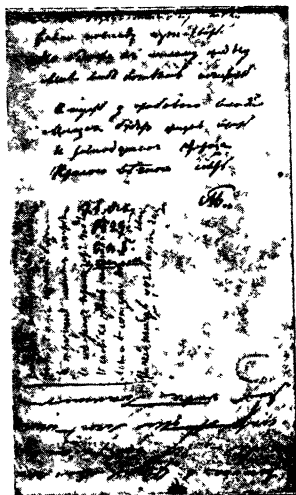
На нескольких интересных примерах мы постараемся показать читателю, как иногда в действительности происходил этот процесс; примеры, приводимые нами, являются чрезвычайно характерными для Пушкина, причем особенную ценность они приобретают еще и пото-

Му, что все показаны на материале, бывшем до сих пор вне поля изучения.

В коллекции бумаг Пушкина, поступившей недавно в составе рукописного собрания К. Р. в фонды Пушкинского Дома при Академии Наук, нашелся автограф замечательного стихотворения Пушкина—«Стансы» («Кружусь ли я вдоль улиц шумных...»); история создания

Лицевая сторона автографа „Кружусь ли я в толпе мятежной“ (Воспроизводится впервые).

Оборотная сторона того же автографа (Воспроизводится впервые)

этого произведения до сих пор была неизвестна, так как почти не сохранилось следов работы мастера над ним. Новонайденный автограф сразу восполняет этот пробел, так как, с одной стороны, он дает перебеленную сводку первых черновых записей этого стихотворения (сохранившихся на обороте 26-й и на лицевой стороне 28-й стр. № 2382 тетради Румянцевского Музея, а с другой—показывает ряд следующих этапов в его развитии и конечное завершение его.

Автограф—листик тонкой желтоватой бумаги, исписанный с обеих сторон; цифра «70» на лицевой стороне его—жандармская. Всю же лицевую сторону Пушкин занял как бы совершенно законченным шестистрофным стихотворением (предполагавшуюся законченность его подтверждают инициалы «А. П.», заканчивающие этот набросок). Вот первоначальный текст этого стихотворения:

Кружусь ли я в толпе мятежной,
Вкушаю ль сладостный покой,—
Но мысль о смерти неизбежной
Везде близка, всегда со мной.

Гляну ль на дуб уединенный—
Я мыслю: «Патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил моих отцов».

Ласкаю ль слабого младенца,
Уже я говорю ему:—прости,
Тебе я место уступаю,
Мне скоро тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую минуту
Привык я думой провожать,
Грядущей смерти годовщину
Меж них стараясь угадать.

И где мне гроб пошлет судьбина?
В постели, в поле, иль в волнах,
Или любимая долина
Мой примет охладелый прах?
Вотще! Судьбы не переменит
Ни скорбь, ни смех, ни суета;
Но душу не вотще знакомит
С могилой важная мечта.

А. П.

Немного позже, судя по тому, что чернила на автографе уже иные, Пушкин принялся за исправление некоторых строк этого наброска. Так, в четвертой строчке 2-й строфы вместо «моих» поэт надписывает «он век». В третьей строфе первоначальную редакцию первой строки он изменил на «Младенца ль милого ласкаю», а вторую строку—на «Уже я думаю: прости» (слово «Уже» в действительности зачеркнуто, но подчеркнутость означает восстановление его) и, наконец, в 4-й строке этой же строфы вместо «скоро» им надписано «время». В первой строке 5-й строфы «и где» он зачеркнул, но потом надписал его снова, а «гроб» заменил словом «смерть»; вторую строку он всю переделал,—и получилось «в краю далеком, иль в волнах»; в третьей строчке этой же строфы вместо «род...» (вероятно «родимая») и «любимая» он надписал «соседняя».

Несколько исправлений мы находим в последней строфе этого наброска, но так как она поэту упорно не

удавалась, то он нервно зачеркнул спиральными кругами всю строфу и, перевернув этот лист бумаги, быстро, без единой пометки (черновая подготовка была, вероятно, им сделана на другом листе) набросал, вместо зачеркнутой строфы, следующее:

Хотя бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.
И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вечно сиять...

А. П.

26 дек. 1829 С.-П. В. 3 часа 5 м.

Но так как теперь стихотворение это сделалось семи-строфным и архитектоника его из-за этого совершенно нарушалась, Пушкин решает, может быть, позже сделать его восьмистрофным: для этого им зачеркивается первая строфа и вместо нее на обороте же, перевернув этот листик горизонтально, Пушкин набрасывает карандашем две новые строфы:

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных—
Я предаюсь своим мечтам.
И говорю:—промчатся годы
И сколько здесь ни видно нас,

Мы все сойдем в подземны своды,
И чей-нибудь уж близок час.

Так это стихотворение в конечном завершении автора сделалось восьмистрофным; таким оно и появилось в печати сначала в «Литературной Газете», а потом с незначительными поправками в 3-м томе стихотворений его, изданном в 1832 году.

На этом же листке мы видим несколько французских фраз; вероятно, это—записка поэта к одной из своих знакомых, может быть, к А. П. Керн. Русский перевод этих строк следующий: «Пишите Ольге без всякого недоверия, она Вас очень любит и была бы обрадована Вашим вниманием».

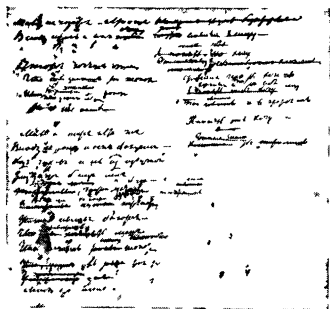

Как известно, ночные впечатления часто играли важное значение в творчестве Пушкина. По его собственным признаниям ночь вдохновляла его и окрыляла его воображение. В его произведениях 1830 годов эти признания начинают встречаться особенно часто: в «Мозарте и Сальери» упоминается «творческая ночь», в «Труде» поэт говорит, что ему жаль труда—«молчаливого спутника ночи...» В Майковском собрании хранятся два еще неисследованных автографа Пушкина, исчерпывающе иллюстрирующие творческий процесс написанных поэтом в том же году «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы».

Первый автограф—лист обыкновенной писчей бумаги, на котором поэт ночью же, судя по быстрому лихорадочному почерку и перемазанной чернилами бумаге,

начал набрасывать первые мысли этого произведения. Автограф этот являет прекрасный пример того, как тол-

пились перед поэтом во время создания произведения образы и рифмы, как они сменяли друг друга, и как Пушкин, не удовлетворяясь ими, зачеркивая один образ за другим не дописывая фраз и отдельных слов, все же создает из этого разбросанного материала прекрасное художественно - законченное произведение.

Черновая редакция „Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы“. (Воспроизводится впервые).

Быстро он записывает первый образ:

Мне не спится—нет огня,
Всюду мрак и сон глубокий...

но сейчас же он зачеркивает «глубокий» и надписывает «докучный». Немного отступив, он набрасывает следующий образ:

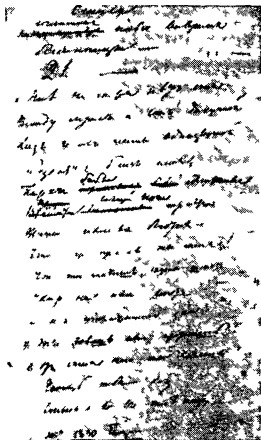
Что ты хочешь от меня,
Что ты значишь, тайный шопот...

Под «шопот» Пушкин сейчас же набрасывает рифму «ропот», но всю строку ему еще не удастся составить. Сначала он написал «иль», затем «не потерян» и

«ужель», но все зачеркивается (кроме рифмы, под которой он пишет «что—упрек иль ропот»); следующая строка ему также не удается и, записав «иль насмешка», он на полуфразе бросает весь этот отрывок, отчеркивает его короткой линейкой и начинает стихотворение сначала.

Мне не спится—нет огня,
Всюду мрак и сон докучный—
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня
Торопливый частый лепет—
Вечности бессмертный трепет,
Жизни мышья беготня—
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, вечный шопот,
Что—упрек иль тайный ропот
Мной утраченного дня?
Объяснись, о чем хлопчешь?
От меня чего ты хочешь?
Смысла я в тебе ищу,
Ты зовешь или пророчишь—
Я понять тебя хочу.

На этом черновом отрывке мы видим, как быстро фиксировались поэтом первые проявления творческого процесса, как он записывал слова прежде, чем они складывались в фразы, прежде, чем сочетались в стих. Эти полуфразы и оди-

Перебеленный автограф того же стихотворения (воспроизводится впервые)

нокие рифмы он располагает стиховым рисунком, над этими фразами сейчас же заносятся варианты, часто зачеркнутое не восстанавливается...

Но сырой материал для создания произведения уже имеется, и, вероятно, утром же поэт начинает сводку черновика в художественно-законченное произведение. Подлинник этой сводки, написанный на листе золотобрезной бумаги почтового формата, к счастью, также сохранился для потомства (в том же Майковском собрании). Вот первая редакция этой сводки:

Стихи, написанные ночью, во время бессонницы.

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный,
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня.
Парк ужасный, бабий лепет,
Вечности бессмертный трепет,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шопот?
Укоризна, или ропот
Мной утраченного дня?
Ты зовешь или пророчишь?
От меня чего ты хочешь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

Окт. 1830. Болдино.

Как мы видим на снимке автографа (см. стр. 19), эта сводка подверглась стилистической обработке. Немно-

го изменен заголовок, пятый и шестой стихи исправлены на:

Парки, бабье лепетанье,
Спящей почи трепетанье.

Третью строчку с конца поэт поменял местами с четвертой.

Напечатано было это стихотворение впервые Жуковским в посмертном издании сочинений поэта; последний стих здесь искажен—«темный твой язык учу». И несмотря на то, что правильное чтение этого стиха было приведено П. В. Анненковым в следующем собрании сочинений поэта, все же всеми последующими редакторами собраний сочинений Пушкина вплоть до Венгерова печаталась редакция с искаженным стихом.

В том же Майковском собрании на обороте окончательной редакции стихотворения Пушкина «Румяный критик мой» находятся 3 стихотворных наброска поэта,—Болдинского периода,—из которых история одного крайне интересна; воспроизведение этих трех набросков появляется в нашем издании впервые.

Начало этого автографа, как мы видим, занято известным четверостишием поэта:

К статуе в Царском Селе.

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила;
Дева печально сидит, праздный держа
черепок.

Чудо!—не сякнет вода, изливаясь из урны
разбитой,

Дева над вечной струей вечно печальна сидит.

1 окт.

Кроме одного малозначительного исправления, имею- щегося в этой редакции в сравнении с печатным тек- стом, список этот интере- сен тем, что устанавливает точную дату создания сти- хотворения.

Нижняя часть этого листка занята небольшим наброском Пушкина:

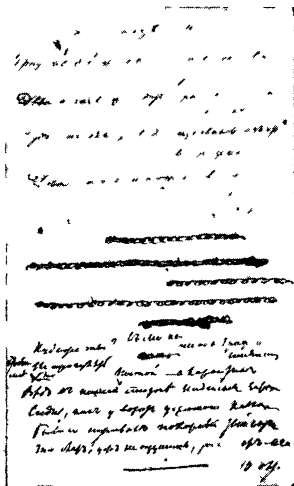
Куда же ты?— В Москву,
чтоб графских имянин

Не прогулять мне здесь.
— Постой, а карантин? Ведь
в нашей стороне
индийская зараза!

Сиди, как у ворот угрю-
мого Кавказа
Бывало сиживал покорный
твой слуга.

Что, брат?! Уж не тру-
нишь, тоска берет—ага!

10 окт.

Лист со стихотворными наброс- ками Волдинского периода (Вос- производится впервые).

Приведенная нами редакция отрывка этого почти ничем не отличается от редакции, приводимой в со-

браниях сочинений поэта. Следует только заметить то, что все издатели печатают этот отрывок с вымышленным заголовком: «Из записки к приятелю», и что дата—«10 окт.»—велит печатать это стихотворение после четверостишия «К статуе в Царском Селе»; во всех же изданиях раньше печатается «Куда же ты».

Средняя часть воспроизводимого нами автографа (см. снимок) занята несколькими тщательно зачеркнутыми строчками. При детальном рассмотрении снимка мы видим, что те несколько строк, которые были раньше на этом месте, написаны таким же тонким пером, как и верхнее четверостишие, а зачеркивающие этот текст круги сделаны теми чернилами, которыми написан отрывок «Куда же ты». Итак, приблизительно, можно сказать, что текст этого наброска был написан 1 октября (в день написания «К статуе в Царском Селе»), а в день написания отрывка «Куда же ты» этот набросок был зачеркнут.

Возникает вопрос: что было здесь набросано и отчего Пушкин так старательно вычеркнул написанное?

И лишь благодаря сильно увеличенному фотографическому снимку двум известным пушкиноведам удалось установить текст этого наброска. Оказалось, что поэт здесь набросал эпиграмму, до того времени совершенно неизвестную в печати. Вот расшифровка ее:

К переводу Илиады.

Крив был Гнедич поэт, прелгатель
 . слeповa Гомера;

Боком одним с образцом схож и его
 перевод.

Напыщенный и перегруженный славянизмами перевод Гнедичем Илиады, естественно, не понравился Пушкину, который решил кольнуть «кривого поэта» острой эпиграммой. Но несколько дней спустя, сообразив, что слухи об этой эпиграмме могут испортить существовавшие между ними добрые отношения, поторопился зачеркнуть ее навсегда с особой тщательностью. И почти через месяц после создания этой эпиграммы—8-го ноября—Пушкин, желая отдать дань своим дружеским отношениям, пишет общеизвестный пентаметр:

На перевод Илиады.

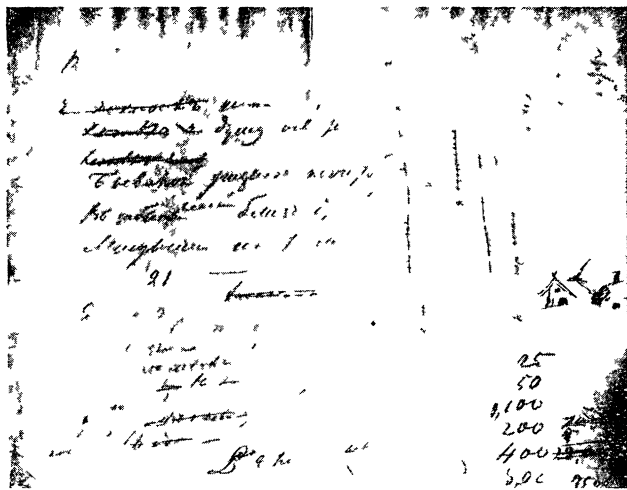
Слышу умолкнувший звук божественной
эллинской речи,
Старца великого тень чую смущенной
душой.

А о своей хлесткой эпиграмме Пушкин, вероятно, вскоре сам забыл, никому не показав ее, так как ни в его переписке, ни в воспоминаниях о нем друзей никаких сведений о ней не сохранилось. И лишь с момента расшфровки эпиграмма эта, наконец, получает законное место в следующих собраниях сочинений поэта, среди других эпиграмм 1830 года.

Последний документ в этом отделе, воспроизводимый нами также впервые, иллюстрирует тот интересный момент пушкинского творчества, когда поэт на полу-

фразе, а порой даже на полуслове не доводил до конца произведение, оставляя его навсегда неосуществленным, наш пример—набросок стихотворения «Желал я душу освежить»

Набросок неосуществленного стихотворения „Желал я душу освежить“
(Воспроизводится впервые)

Впервые этот набросок по плохой копии Анненкова опубликовал проф. И. А. Шляпкин в своей книге «Из неизданных бумаг Пушкина». Автограф этого наброска, считавшийся утраченным, нашелся в Майковском со

брани; внешне это—большой лист сероватой бумаги с клеймом 1830 г., занимающий верхнюю часть листа, и с жандармской пометкой «21» по середине текста. набросок написан карандашом; вот его окончательный текст:

Желал я душу освежить—
Бывалой жизнью пожить
В забвеньи сладком близ друзей
Минувшей юности моей.
Я ехал в дальние края
Искать не злата, не честей
В пыли средь копий и огней

На этом обрывается чистовой текст стихотворения. Сам по себе автограф интересен тем, что показывает, как Пушкин стиховым рисунком зашифровывал свои мысли, как кропотливо строилась каждая строка, и как, неудовлетворенный результатами, неожиданно обрывал свой замысел и никогда к нему больше не возвращался.

У Шляпкина совершенно неверно указана дата создания этого отрывка—1829 г.; судя по тому, что на этой же странице находятся два плана «Дубровского» (о них смотри ниже), этот набросок следует приурочить к концу 1832 года.
